ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

ЭЛЬВИРА ВЛАДИМИРОВНА ТАЛАПИНА

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: comparative_law@igpran.ru

SPIN-код: 1428-1595

ORCID: 0000-0003-3395-3126

DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 18-011-00406 «Права человека в эпоху Интернета: публично-правовой аспект».

Аннотация. Цифровизация оказывает серьезное влияние на фундаментальные права человека и их правовое регулирование. Несмотря на публично-правовое происхождение, права человека связаны и с частным правом, прежде всего через концепцию субъективных публичных прав. Процесс конституционализации (публикации) частного права основан на идее универсальности и верховенства прав человека, которые должны реализовываться как в публичном, так и в частном праве. Одновременно именно цифровизация дает определенную возможность отказаться в некоторых сферах от концепции субъективных публичных прав, обеспечивая, например, открытость и доступность информации, которой располагает государство, независимо от активных действий (запросов) частных лиц.

Система прав человека будет меняться в зависимости от условий их реализации. С приходом цифровых технологий возникают так называемые цифровые права — право на доступ к Интернету, право на забвение, право на защиту от нежелательной информации, уже получившие законодательное признание в разных странах. Под цифровыми правами (*digital rights*) во всем мире понимаются специфические права человека, имеющие публично-правовое происхождение. Однако в России данный термин был введен в Гражданский кодекс для обозначения имущественных прав, реализуемых в информационных системах. В качестве выхода из создавшегося терминологического противоречия предлагается использовать для публично-правового обозначения цифровых прав термин «двоичные (бинарные) права», который подчеркивает связь с цифровой пе-

редачей информации (*binary*), а также через игру слов оттеняет двойственность существования этих прав как *online*, так и *offline*.

Внедрение цифровых технологий ослабляет защиту частной жизни на массовом уровне. Одновременно на индивидуальном уровне право на защиту персональных данных получает все большее внимание и регламентацию. Анализ практики международных судов показывает, что проблема обеспечения прав человека в условиях развития цифровых технологий должна рассматриваться в более широком контексте, с учетом возникающих социальных и нравственных проблем.

Представление об универсальности прав человека гармонично сочетается с нейтральностью и универсальностью цифровых технологий. В эпоху цифровизации сущность человека и связанных с ним ценностей не меняется, и именно права человека могут стать унифицирующей целевой перспективой при определении отношения к различным новым технологиям.

Ключевые слова: права человека, цифровые технологии, универсальность прав человека, цифровые права, персональные данные, Интернет, частная жизнь

ELVIRA V. TALAPINA

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10, Znamenska st., Moscow 119019, Russia

E-mail: comparative_law@igpran.ru

ORCID: 0000-0003-3395-3126

EVOLUTION OF HUMAN RIGHTS IN DIGITAL ERA

The article was prepared within the framework of the scientific project № 18-011-00406 "Human rights in the Internet Era: Public Law aspect", supported by the Russian Foundation for Basic Research.

Abstract. The digitalization produces a dramatic impact on fundamental human rights and their legal regulation. Regardless public law origin, human rights are associated with private law, primarily, via a concept of subjective public rights. The process of constitutionalization of private law is based upon the concept of universality and supremacy of human rights which should be realized both in public and private law. At the same time, it is the very digitalization that gives a certain prospect to withdraw from the concept of subjective public rights in some spheres while, for instance, ensuring openness and accessibility of information owned by the state irrespective of active measures (requests) from private individuals.

The system of human rights will be changing subject to the conditions of their realization. With the advent of digital technologies, the so called digital rights arise —

right to access to Internet, right to oblivion, right to protection from unwanted information that have already gained legal recognition in different countries. Across the globe digital rights are interpreted as specific human rights of public law origin. However, in Russia this term was introduced into the Civil Code to denote property rights realized in the information systems.

As a way out of the arisen terminology discrepancy it is proposed to use the term "binary rights" for public & legal identification of digital rights that underlines a link with digital data transmission (binary) and also through word games conveys the duality of existence of these rights both online and offline.

The implementation of digital technologies weakens the protection of private life at mass level. Simultaneously, at individual level the right to protection of personal data has increasingly gained attention and regulation. The analysis of practice of international courts shows that the problem of human rights realization amidst the development of digital technologies should be regarded in a wider context, with due regard to the emerging social and moral issues.

The concept of universality of human rights harmoniously blends with neutrality and universality of digital technologies. In the era of digitalization the essence of a human being and the related values does not change and those are precisely the human rights that can become a unified dedicated perspective in defining attitude towards different new technologies.

Keywords: human rights, digital technologies, universality of human rights, digital rights, personal data, Internet, private life

1. Введение

Европейский суд по правам человека рассматривает Конвенцию о защите прав человека и основных свобод¹ (далее — Конвенция) как «живой инструмент»², который развивается и наполняется новым содержанием; Конвенция должна толковаться с учетом современных условий. Применима ли данная логика к правам человека в целом? Если да, то сколь существенным может быть влияние цифровизации на фундаментальные права человека?

Говоря об эволюции прав человека, необходимо вспомнить концепцию их трех поколений (гражданские и политические права — социально-экономические и культурные права — коллективные права), которые возникали, а вернее, признавались по мере общественного развития. Некоторые пишут о четвертом и последующих поколениях прав человека, к которым относят информационные права, права

¹ СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² ECtHR. *Tyrer v the United Kingdom*. Application no. 5856/72. Judgment of 25 April 1978. Series A. No. 26. Para. 31.

всего человечества и т.п. Не вдаваясь в соответствующую дискуссию, ограничимся в целях настоящего исследования констатацией эволюции прав человека, поскольку способность к изменениям является их внутренним свойством.

Казалось бы, само название Всеобщей декларации прав человека³ свидетельствует об универсальном характере прав человека. К сожалению, права человека признаются не во всем мире, и это создает значительные трудности в их понимании. Академик В.С. Степин рассматривал права человека как феномен техногенной, западной цивилизации, в развитии которой решающую роль играют постоянный поиск и применение новых технологий (не только производственных, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций). Только для техногенной цивилизации характерна ценность креативной деятельности, этого не было в традиционных культурах, которые адаптируются к внешней среде, а не преобразуют ее. Соответственно, «идея прав человека была основана на признании ценностей индивидуальной свободы. Но в сохраняющихся архетипах традиционалистского сознания данная ценность не была приоритетной. В значительной мере это относится и к архетипам российской ментальности»⁴.

Исследователи отмечают, что «идея прав человека не была обусловлена историческим опытом России», а «явилась своего рода интеллектуальным продуктом, остроумной творческой находкой, появившейся в результате глубокого осмысления векового опыта бесправия», т.е. «примером того, как сила мысли преобразует реальность»⁵. Антиличностная направленность российской цивилизации «отразилась на характере государственности, ее структуре, взаимоотношении человека и власти, пренебрежении к праву, правовом нигилизме, беззакониях», определив менталитет народа — покорность и смирение, с периодическими бунтами⁶.

³ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 21.05.2019).

⁴ См.: *Степин В.С.* Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009. С. 14, 15, 20.

⁵ *Лапаева В.В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 316.

⁶ *Лукашева Е.А.* Российская цивилизация и права человека // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. С. 57.

Непризнанию прав человека в качестве определяющей ценности способствовал и советский период российской истории; советская доктрина противостояла универсальному статусу прав человека не по цивилизационным, а по идеологическим соображениям⁷.

Из специфики российских и советских подходов «выросла» евразийская концепция прав человека. Ее сторонники, не отвергая европейские представления о правах человека, убеждены в том, что права человека должны восприниматься с позиции их адекватности коллективным и общественным интересам и ожиданиям, а также в контексте взаимной ответственности людей друг перед другом⁸.

Цифровые технологии, стремительно развивающиеся на фоне идеологического и национального разнообразия, отличаются нейтральностью. В известном смысле это шанс для прав человека обрести некую идеологическую отстраненность. Будет ли этот шанс использован?

2. Права человека в контексте публичного и частного права

Правовая природа прав человека не вызывает особых споров. Права человека — публично-правовая концепция, оформившаяся в определенный исторический момент в ответ на известные мировые события и обострение международных отношений. Это на международном уровне. В национальном же аспекте права человека представлены в основном конституционными правами, признаваемыми в разных странах в различные исторические периоды.

Но несмотря на публично-правовое происхождение, связь прав человека с частным правом ощутима. Давно подмечено, что «субъективные публичные права — это не что иное, как модифицированные гражданские права. Отличие субъективных публичных прав от прав гражданских, сопряженных с распределением материальных и идеальных благ, с их закреплением за определенными конкретными субъектами, состоит (наряду с прочим) в том, что в них присутствует и ими опосредуется всеобщий (государственно-организованного общества) интерес»⁹.

⁷ См.: Колотова Н.В. Развитие теории прав человека в советской правовой доктрине // Трансформации прав человека в современном мире / Отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018. С. 119.

⁸ См.: Бусурманов Ж.Д. Евразийская концепция прав человека. Астана, 2010. С. 157.

⁹ Мамут Л.С. Права приобретаются // Право и права человека в условиях глобализации (материалы научной конференции) / Отв. ред. Е.А. Лукашева, Н.В. Колотова. М., 2006. С. 23–24.

В советский период «все права — как первого, так и второго поколения — признавались наличными субъективными правами независимо от того, насколько они были оснащены правовыми средствами защиты, например, с помощью судебной процедуры. Но о прямом действии прав человека речь не шла. Субъективный характер прав связывался с действием прав и обязанностей, соответствующим конституционным и сформулированным в текущем законодательстве в качестве “своеобразного юридического мостика”»¹⁰.

Обладателю субъективного публичного права, как и права гражданского, нужно проявить определенную активность для его реализации. Автоматической реализации нет. Разумеется, государства должны обеспечить защиту прав, как их обязывает, например, ст. 1 Конвенции. Но именно индивид проявляет начальную инициативу. «Государство предоставляет субъекту соответствующие возможности, гарантирует их реализацию, а он — в свою очередь — располагает и пользуется таковыми *исключительно в обмен* на то, что становящийся обладателем политических прав субъект принимает на себя обязательство (обязанности) по отношению к государству, равные по социальной ценности заполучаемым политическим правам... Нарушение субъектом баланса имеющихся у него прав и обязанностей, злоупотребление правами и манкирование обязанностями неизбежно влечет (должно влечь) за собой ограничения либо аннулирование прав государством»¹¹.

В этом смысле некоторые считают, что ст. 2 российской Конституции, возводящая права человека в ранг высшей ценности и объект обязанностей государства, чрезмерно либеральна. Аналогичного положения нет во Всеобщей декларации прав человека. Необходим «баланс, соразмерность прав и свобод и корреспондирующих им обязанностей и ответственности»¹².

В то же время по состоянию защищенности прав человека судят о демократичности государства. «Безусловным признаком демократичности и силы государства является благоприятный *национальный режим прав человека*, созданный в стране»¹³. Права человека служат

¹⁰ Колотова Н.В. Указ. соч. С. 124.

¹¹ Мамут Л.С. Права приобретаются С. 29.

¹² Мамут Л.С. Всеобщая декларация прав человека и Конституция Российской Федерации // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. С. 229.

¹³ Мальцев Г.В. Права человека в свете современных представлений о государственном суверенитете // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. С. 111.

средством контроля над властными структурами, ограничителем всевластия государства, вседозволенности и произвола¹⁴.

Права человека должны реализовываться как в публичном, так и в частном праве. Именно принцип примата прав человека лежит в основе процессов конституционализации (публикации) частного права. Исследователи выделяют три подхода к применению доктрины фундаментальных прав к гражданско-правовым отношениям, сложившихся в зарубежной судебной практике. Первый — «имплементация в сферу частного права принципа соблюдения прав человека без каких-либо изъятий (Нидерланды, Франция, отчасти Израиль и др.)». Второй — «ограниченное применение фундаментальных прав человека к сфере частного права, всегда обусловленное наличием специального публичного интереса» (Германия), которое устанавливается судом. Третий — «прохождение сложного теста для определения в каждом конкретном случае применимости фундаментальных прав человека». Этот подход характерен для стран общего права (Великобритания)¹⁵.

При оценке конкретных обстоятельств дела суды применяют пропорциональный подход, целью которого «является нахождение “точки равновесия” (“пропорциональности”) при реализации двух статутных норм, как правило, конституционно-правовых и отраслевых. Доктрина пропорциональности предлагает выполнение (прохождение) судьей по каждому конкретному делу следующего алгоритма:

Первый этап. Выявление двух коллидирующих субъективных прав для ответа на вопрос, ограничивается ли возможность осуществления двух самостоятельных прав в результате их “столкновения”?

Второй этап. Обоснование законности ограничения одного из этих прав или их обоих.

Шаг 1. Существует ли обоснованная политико-правовая цель ограничения субъективного права?

Шаг 2. Существует ли объективная (рациональная) связь между ограничением права и целью, достигаемой в результате ограничения?

Шаг 3. Законно ли само основание ограничения (то есть отвечает ли цель ограничения субъективных прав требованиям правопорядка)?

Шаг 4. Нахождение непосредственного баланса, разграничение двух противоречащих прав, то есть обозначение сфер действия каждого субъективного права (пропорциональность *stricto sensu*).

¹⁴ См.: Лукашева Е.А. Права человека и культура // Трансформации прав человека в современном мире. С. 28.

¹⁵ Ульбашев А. О конституционализации частного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 94.

Третий этап. Определение наиболее эффективных средств правовой защиты (присуждение *remedies*)»¹⁶.

Данный пропорциональный подход признан и применяется высшими судами большинства стран. Пропорциональность служит сближению публичного и частного права, причем через общий знаменатель в виде прав человека.

В России же пока существует явный разрыв между ст. 2 Конституции РФ и правоприменительной практикой, где попытки признания прямого действия прав человека весьма редки. В частности, право на доступ к информации сформулировано в законодательстве как субъективное право. В ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁷ речь идет о поиске информации физическими и юридическими лицами и о запросном получении гражданами информации, непосредственно затрагивающей их права и свободы. Внедрение же в эпоху цифровизации принципа открытости по умолчанию, означающего, что производимая государством информация изначально предполагается открытой, поскольку у государства имеется возможность оперативно раскрывать данные, не дожидаясь запросов со стороны граждан, переворачивает привычную конструкцию, ожидающую от гражданина активности. Понимание основных прав как субъективных дает гражданину возможность требовать их соблюдения государством, но одновременно предполагает, что они будут обеспечиваться только в случае активного притязания субъектов, т.е. точно. Цифровизация дает определенный шанс отказаться от «эксплуатации» концепции субъективных публичных прав, в частности в отношении получения информации, которой обладает государство. Но этот вопрос требует серьезной теоретической работы.

3. Цифровые права человека

Многие исследователи утверждают, что корпус прав человека, требующих защиты, будет неизменно расширяться. Это, с одной стороны, должно усиливать правовую защищенность личности, с другой — каждое «поколение» приносит с собой новую логику узаконивания притязаний, именуемых правами человека, и неизбежны конфликты

¹⁶ Ульбашев А. Указ. соч. С. 97–98.

¹⁷ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

«новых» прав со «старыми», в результате чего уровень защищенности может не возрасти, а снизиться. Поэтому возникает вопрос — может быть, лучше меньше, да лучше?¹⁸

Если исходить из того, что техногенный фактор является определяющим для возникновения и развития прав человека, то распространение цифровых технологий способно повлиять на права человека ощутимым образом. Сценарии могут быть различными. В числе пессимистичных ожиданий — глобальная угроза свободе (по Оруэллу), которая возникает в связи с приближением к тому социальному состоянию, которое именуют «электронным обществом», где «размывается граница между “моим” и “не моим”». Есть основания думать, что в таком обществе индивидуальная свобода будет все более ограничиваться “в интересах самого же человека”»¹⁹.

Представляется, что система прав человека будет меняться в зависимости от условий их реализации. С приходом цифровых технологий возникают так называемые цифровые права.

Интернет уже стал новым средством массовой информации, но не только. Поскольку доступ к Интернету — необходимое предварительное условие для использования всех возможностей *online*, он сегодня может рассматриваться как существенный аспект свободы человека, провозглашенной ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, поскольку блокирование доступа человека к Интернету представляет серьезное вмешательство в его свободу. Причем исследователи усматривают проблему не только, когда использование Интернета для политической критики сталкивается с репрессиями (как в Китае, Северной Африке, на Ближнем Востоке), но и когда отключение от Интернета происходит в качестве санкции за повторное нарушение авторских прав (Франция и Великобритания)²⁰.

Право на свободу выражения мнения и право на доступ к информации, гарантированные ст. 10 Конвенции, ведут сегодня к оформлению права на доступ к Интернету. В мировой практике это происходит тремя путями: признания Интернета универсальной и общедоступной услугой (Эстония, Испания), закрепления права на доступ к Интернету в качестве конституционного права (Греция, Португалия),

¹⁸ См.: Бусурманов Ж.Д. Указ. соч. С. 55.

¹⁹ Лекторский В.А. Права человека в контексте глобализации // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. С. 48.

²⁰ См.: Sartor G. Human Rights and Information Technologies // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / Ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. New York, 2017. P. 438.

признания данного права высшими судами (Франция, Коста-Рика). При этом в праве на доступ к Интернету следует различать, как минимум, (1) право на подключение к Интернету, в рамках которого Интернет рассматривается как услуга, и (2) право на доступ к информации в Интернете, включая право не быть отключенным от Интернета, т.е. запрет на незаконную блокировку сайтов. В целом же право на информацию посредством Интернета предполагает право на доступ к Интернету, право не быть отключенным, право на свободный поиск информации, право на безопасное использование Интернета, право на защиту от нежелательной информации. Однако в Интернете, так же как и *offline*, важно провести разграничение между дозволением людям выражать все, что они думают, и мыслями, которые они не могут выражать свободно²¹; это правило, без которого демократическое общество не могло бы существовать.

Без цифровой коммуникации сейчас трудно говорить о глобальном *ius communicationis* (праве на общение — *right to communicate*)²². Человек, не имеющий доступ в Интернет, сегодня не может принимать участия в политической жизни, а значит, не может быть активным гражданином. Поэтому *ius communicationis* используется для узаконения права современного человека на доступ к Интернету²³.

Статья 8 Конвенции «Право на уважение частной и семейной жизни» дала рождение праву на защиту персональных данных. Его активное развитие в цифровую эру привело к возникновению права на забвение (права физического лица требовать от оператора поисковой системы прекращения выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к определенной информации о данном физическом лице). Право на забвение закреплено в законодательстве многих стран, в том числе России²⁴. Некоторые го-

²¹ См.: Dolunay A., Kasap F., Keçeci G. Freedom of Mass Communication in the Digital Age in the Case of the Internet: “Freedom House” and the USA Example // Sustainability. 2017. Vol. 9. Iss. 10. P. 1739–1760.

²² См.: Thumfart J. Francisco de Vitoria and the Nomos of the Code: The Digital Commons and Natural Law, Digital Communication as a Human Right, Just Cyber-Warfare // At the Origins of Modernity: Francisco de Vitoria and the Discovery of International Law / Ed. by J.M. Beneyto, J.C. Varela. Cham, 2017. P. 200.

²³ См.: Thumfart J. Op. cit. P. 209.

²⁴ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4390.

сударства идут дальше — французский Закон № 2016-1321 от 7 октября 2016 г. о цифровой республике (государстве)²⁵ предусмотрел «право на цифровую смерть» (по аналогии с завещанием) — лицо будет иметь право на соблюдение после своей смерти поставщиками *online*-услуг или доверенными лицами его воли по поводу дальнейшей судьбы персональной информации, опубликованной *online*.

В Германии, например, модель конституционно-правовой защиты персональных данных состоит из четырех компонентов — право на информационное самоопределение; право на обеспечение целостности и конфиденциальности информационно-технологических систем (*IT*-право); право на тайну переписки, почтовых отправлений и телекоммуникаций; право на неприкосновенность жилища²⁶. Все эти права имеют судебное происхождение — право на информационное самоопределение Федеральный Конституционный суд Германии сформулировал в постановлении по делу о переписи населения (*Volkszählungsurteil*) от 15 декабря 1983 г.²⁷, а *IT*-право — в постановлении по делу об *online*-обысках (*Urteil zu Online-Durchsuchung*) от 27 февраля 2008 г.²⁸ Посредством *IT*-систем люди развивают свою личность, поэтому закон, уполномочивающий полицию устанавливать шпионское программное обеспечение на компьютерах подозреваемых без судебного разрешения, несоразмерно нарушает *IT*-право, постановил Суд.

Признававшееся и ранее право на изображение физического лица, также защищаемое на основе ст. 8 Конвенции, приобрело новые черты в цифровой век, когда нарушить его стало слишком легко. В зарубежных странах право на изображение именуется *right of publicity* (право на публичность). Оно выделяется из *right of privacy* — права на конфиденциальность (но в более широком понимании, чем в России). И если «*right of privacy*» представляет собой комплекс неимуще-

²⁵ LOI n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique // Legifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000033202746&categorieLien=id> (дата обращения: 21.06.2019).

²⁶ См.: Проскурякова М.И. Персональные данные: российская и германская национальные модели конституционно-правовой защиты в сравнительной перспективе // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 84–98.

²⁷ BVerfGE 65, 1 — Volkszählung. URL : <http://www.servat.unibe.ch/dfr/bv065001.html> (дата обращения: 21.05.2019).

²⁸ BVerfG, Urteil des Ersten Senats vom 27. Februar 2008 // Bundesverfassungsgericht. URL : https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2008/02/rs20080227_1bvr037007.html (дата обращения: 21.05.2019).

ственных прав и благ, то, как признается многими, *right of publicity* выделилось из него в качестве комплекса имущественных прав»²⁹.

Как видим, основным источником цифровых прав является право на уважение частной жизни, но цифровые технологии оказали влияние и на другие фундаментальные права. Например, свобода выражения мнений, лежащая в основе права на доступ к Интернету, столкнулась с новыми способами борьбы с нелегальным содержанием (контентом), которые реализуются государством при участии частных субъектов. Свобода предпринимательства обогатилась правом на цифровое существование (право на доменное имя, право предоставлять услуги через Интернет, право на использование цифровых инструментов — реклама, криптография, электронные контракты³⁰, а теперь и смарт-контракты). Право на репутацию в современных условиях становится правом на цифровую идентичность³¹.

Таким образом, в качестве цифровых прав человека можно назвать право на доступ к Интернету, право на забвение, право на защиту от нежелательной информации, как уже получившие законодательное закрепление в разных странах. На очереди признание и других прав.

В сфере обеспечения прав человека в Интернете современное государство (демократическое и поощряющее технологическое развитие) призвано решать три задачи:

- не препятствовать осуществлению прав человека через Интернет и не ограничивать их (например, не осуществлять цензуру);
- защищать законное использование информационно-коммуникационных технологий от кибератак со стороны третьих лиц;
- гарантировать и облегчать законное использование информационно-коммуникационных технологий (доступ малообеспеченных лиц к Интернету)³².

Говоря о цифровых правах человека, нельзя не отметить и проблемы терминологического характера. В России термин «цифровые права» узурпировали цивилисты. Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Фе-

²⁹ Кротов А.В. Некоторые аспекты и особенности регулирования права на частную жизнь в формате интернет-пространства. Барнаул, 2015. С. 61.

³⁰ См.: Etude annuelle 2014 du Conseil d'Etat — Le numérique et les droits fondamentaux. Paris: La documentation Française, 2014. P. 104.

³¹ См.: Sartor G. Op. cit. P. 443.

³² Ibid. P. 448.

дерации»³³ в ГК РФ была введена ст. 141¹, в соответствии с которой «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». Введение в ГК РФ термина «цифровые права» критиковалось ведущими представителями науки гражданского права как порочное удвоение сущностей, поскольку они дублируют традиционные права³⁴.

Во всем мире «цифровые права» (*digital rights*) понимаются как специфические права человека в сфере публичного права. Внедрив это понятие в Гражданский кодекс, Россия вновь утвердилась в роли диссонатора континентальной правовой системы. Из создавшейся терминологической путаницы видятся два выхода. Первый — продолжать употреблять термин «цифровые права» в отношении особого вида прав человека, при этом параллельно будут существовать и цифровые права в гражданско-правовом смысле. Второй — придумать новый термин для публично-правового обозначения цифровых прав. Например, двоичные (бинарные) права. Этот термин представляется довольно удачным, поскольку он подчеркивает связь с цифровой передачей информации (*binary*), а также через игру слов оттеняет двойственность существования прав человека — как *online*, так и *offline*.

4. Частная жизнь в цифровую эпоху

Как уже было отмечено, именно частная жизнь больше всего «преобразуется» в цифровую эпоху, соответственно, право на уважение частной жизни изменяется и разветвляется.

Использование цифровых технологий предоставило новые и почти безграничные возможности государству в реализации своих функций, что неминуемо ставит под угрозу частную жизнь граждан, в том

³³ СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

³⁴ См.: Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 2018 г. М., 2019. С. 142.

числе и когда она проявляется публично. Так, «систематический сбор сведений секретными службами представляет собой вмешательство в частную жизнь, даже если эти сведения получены в общественных местах и если содержат информацию исключительно о профессиональной или общественной деятельности лица. Те же действия, осуществляемые посредством применения *GPS*-технологий, и хранение данных о местонахождении лица и его передвижениях также представляют собой вмешательство в частную жизнь»³⁵.

В этом отношении баланс между частным и публичным интересами призваны находить суды. Неоднозначную оценку вызвало широко известное постановление Европейского суда по правам человека по делу Биг Бразер Вотч и другие против Соединенного Королевства³⁶, в частности, утверждение Суда, что массовая слежка *per se* не нарушает Конвенцию. Европейский суд признал, что решение о введении режима массового перехвата для того, чтобы идентифицировать тем самым неизвестные угрозы национальной безопасности, подпадает под широкие пределы усмотрения, предоставляемые государству при выборе того, каким образом лучше обеспечить достижение легитимной цели защиты безопасности. Суд сделал упор на то, что новыми технологиями пользуются «террористы и преступники», которым это помогает «избежать обнаружения в Интернете». По мнению Суда, режим массового перехвата данных выполняет упреждающую функцию и потому эффективен (п. 314 и след.).

В решениях Суда ЕС³⁷ также отсутствует запрет на использование перехвата метаданных в качестве превентивной меры, но только при условии, что этот перехват носит не массовый, а целенаправленный характер. Позиция Европейского суда относительно соблюдения прав человека при проведении операций по массовой слежке, получившая

³⁵ Грачева М.А. Право человека на уважение частной жизни и его защита в Европейском суде по правам человека // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. № 1. С. 56.

³⁶ ECtHR. Big Brother Watch and Others v the United Kingdom. Applications nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15. Judgment of 13 September 2018.

³⁷ CJEU. Grand Chamber. Joined Cases C-293/12 and C-594/12. Digital Rights Ireland Ltd v Minister for Communications, Marine and Natural Resources and Others and Kärntner Landesregierung and Others. Requests for a preliminary ruling from the High Court (Ireland) and the Verfassungsgerichtshof Electronic communications. Judgment of 8 April 2014; Joined Cases C-203/15 and C-698/15. Tele2 Sverige AB v Post- och telestyrelsen and Secretary of State for the Home Department v Tom Watson and Others. Requests for a preliminary ruling from the Kammarrätten i Stockholm and the Court of Appeal (England & Wales) (Civil Division). Judgment of 21 December 2016.

отражение в решениях по делам *Центрум фер Рэттвиса*³⁸ и *Биг Бразер Вотч*, демонстрирует отказ от уже начавшего кристаллизоваться прогрессивного подхода. Европейский суд снизил планку предъявляемых к государствам требований по защите права на частную жизнь, и эта его позиция может оказаться фатальной³⁹.

Разумеется, все должно анализироваться в контексте. Не секрет, что произошедшие во Франции террористические атаки оказали существенное влияние как на общественное сознание, так и на позицию судов. Европейские государства отреагировали принятием довольно жесткого законодательства. Во Франции в конце 2015 г. был принят закон о мерах по слежке за международными электронными коммуникациями, который позволяет перехватывать все сообщения, направленные за границу или полученные из-за границы, и хранить контент сообщений один год, а метаданные — шесть лет⁴⁰. В ФРГ 23 декабря 2016 г. принят закон о перехвате зарубежных сообщений Федеральной разведывательной службой, который регулирует слежку за гражданами иностранных государств. В том же году были внесены изменения в польский закон о полиции и некоторые другие акты, регулирующие использование тайной слежки, в Швейцарии одобрены на референдуме изменения законодательства, значительно расширяющие возможности по установлению массовой слежки⁴¹.

Таким образом, можно констатировать, что на массовом уровне защита частной жизни ослабевает под натиском цифровых технологий.

Что касается индивидуального уровня, тенденция кажется обратной — праву на защиту персональных данных уделяется все большее внимание в связи с использованием цифровых технологий. В мире говорят о новой, третьей фазе защиты персональных данных⁴². Вообще, «вопросы персональных данных пересекаются практически со всеми

³⁸ ECtHR. *Centrum för rättvisa v Sweden*. Application no. 35252/08. Judgment of 19 June 2018.

³⁹ См.: *Русинова В.Н.* Легализация «массовой слежки» Европейским судом по правам человека: что стоит за Постановлением по делу «Биг Бразер Вотч и другие против Соединенного Королевства»? // *Международное правосудие*. 2018. № 4. С. 3–20.

⁴⁰ Loi 2015-1556 du 30 novembre 2015 relative aux mesures de surveillance des communications internationales // *Legifrance*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000031549747&categorieLien=id> (дата обращения: 28.07.2019).

⁴¹ См.: *Русинова В.Н.* Указ. соч. С. 3–20.

⁴² См.: *Florimond G.* Droit et Internet. De la logique internationaliste à la logique réaliste. Paris, 2016. P. 388–392.

новыми направлениями правовой мысли, вплоть до дискурса, связанного с проблематикой “магического круга”, т.е. вопроса о “коммуникативных границах действия права”, проходящих по линии вымышленного и реального, игрового и неигрового, серьезного и несерьезного»⁴³.

Как правило, конфликт права на защиту персональных данных с другими основными правами решается в пользу первого. В этой области сложилась обширная судебная практика. Обратимся лишь к одному примеру, связанному с конкуренцией права на защиту персональных данных со свободой вероисповедания. В одном из дел⁴⁴ перед Судом ЕС был поставлен вопрос, соблюдают ли члены сообщества свидетелей Иеговы правила обработки персональных данных в рамках своей деятельности при посещении домов и квартир. Они записывают, по возможности, имена, адреса и религиозные убеждения встречаемых ими людей, а также хотят ли те, чтобы к ним приходили проповедники. Эти записи, содержащие персональные данные, делаются и собираются без уведомления их субъектов.

Ранее Суд ЕС выработал два критерия, позволяющих определить, подпадает ли частная деятельность под регулирование европейских правил обработки персональных данных. Во-первых, деятельность, в результате которой персональные данные становятся доступными неограниченному кругу лиц, уже не может считаться частной. Она некоторым образом находится в публичном пространстве⁴⁵. Во-вторых, подпадает под требования об обработке персональных данных деятельность, которая направлена за пределы частной сферы⁴⁶ (п. 42).

В отношении деятельности по религиозным наставлениям на дому применение указанных критериев не очевидно. С одной стороны, звонок в дверь — это частный контакт, а сделанные записи не собираются в централизованное досье. С другой стороны, поскольку цель данной деятельности — привлечь людей в духовное сообщество, в котором

⁴³ *Архипов В.В.* Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 54.

⁴⁴ CJEU. Grand Chamber. Cases C-25/17. Proceedings brought by Tietosuoja- ja- tuutettu. Request for a preliminary ruling from the Korkein hallinto-oikeus. Judgment of 10 July 2018.

⁴⁵ CJEU. Case C-101/01. Criminal proceedings against Bodil Lindqvist. Reference for a preliminary ruling: Göta hovrätt — Sweden. Judgment of 6 November 2003.

⁴⁶ CJEU. Fourth Chamber. Case C-212/13. František Ryneš v Úřad pro ochranu osobních údajů. Request for a preliminary ruling from the Nejvyšší správní soud. Judgment of 11 December 2014.

они не состоят, то она направлена вовне, за пределы частной сферы. И по данному критерию записи свидетелей Иеговы все же отличаются от обычной адресной книги для домашнего использования. Кроме того, часть собранных данных передается в приходы, где они становятся доступными неограниченному кругу лиц (п. 45). Соответственно религиозное сообщество, солидарно со своими членами, подпадает под статус ответственных за обработку персональных данных (п. 75). Кроме того, наставления на дому — основная деятельность этого религиозного сообщества. В связи с этим Суд отверг довод, что применение норм о персональных данных мешает осуществлению свободы вероисповедания, поскольку права третьих лиц при этом не должны нарушаться.

Напомним, что в целом в отношении понимания персональных данных существует два подхода. В Европе вопрос о правах человека и Интернете обсуждается почти исключительно в контексте персональных данных, их регламентация по-прежнему жесткоохранительная. Здесь защита персональных данных — фундаментальное право человека. При этом не существует права собственности индивидуума на свои персональные данные, а есть только право контроля за их обработкой, т.е. это субъективное право всегда связано с деятельностью третьих лиц⁴⁷. В то же время в рамках англосаксонского подхода за персональными данными признается экономическая стоимость. Именно этот подход вызывает интерес в России, и шансы перевести проблематику персональных данных в русло частного права довольно высоки.

В российской литературе пытаются выяснить отраслевую принадлежность отношений по поводу персональных данных. Ищут ответ на вопрос, попадает ли соглашение об использовании персональных данных в сферу действия гражданского права⁴⁸. Даже государственные органы иногда отсылают к гражданскому праву, поскольку оно более разработано и потому проще для применения. Собственно, этим гражданское право и привлекает многих. «Слабость» публичного права, унаследованная от последних лет советского периода и реформ 1990-х гг., поворачивает юристов к праву гражданскому. Его предлагается применять и к отношениям по поводу персональных данных. «Сама по себе идея применять положения гражданского права к от-

⁴⁷ См.: *Saint-Aubin Th.* Les droits de l'opérateur de données sur son patrimoine numérique informationnel // Droit et gouvernance des données publiques et privées à l'ère du numérique / Dir. de I. Bouhadana, W. Gilles. Paris, 2015. P. 143.

⁴⁸ См.: *Архипов В.В.* Указ. соч. С. 57–58.

ношениям в области персональных данных не может быть излишне вызывающей в условиях, когда за неимением других ориентиров... государственные органы сами — пока избирательно — обращаются к гражданскому праву»⁴⁹. С этим можно согласиться, но с горечью. При этом В.В. Архипов относит к чисто публично-правовым отношениям между государством и оператором⁵⁰.

Гражданское право предполагает активность и информированность человека, только тогда предоставляемые им средства защиты эффективны. Можно ли считать, что российские граждане таковы? Если государство откажется от идеи публично-правовой защиты персональных данных граждан, не рискуем ли мы полностью коммерциализировать эту сферу? Смогут ли граждане выгодно «распорядиться» своими данными?⁵¹

Одновременно нельзя не констатировать, что в реальности право на персональные данные нарушается во всех странах. В 2018 г. *Privacy International* опубликовала отчет о практике полиции в Великобритании, которая секретно скачивала все содержание телефонов не только преступников и подозреваемых, но и свидетелей. Полиция делает это с помощью специального программного обеспечения XRY от MSAB⁵², и им пользуется уже около 97% полицейских управлений⁵³. В Канаде пограничная полиция утверждает, что имеет право на проверку телефонов без решения суда. Она также использует продукцию от MSAB и Cellebrite, позволяющую получать доступ к содержимому телефонов даже без знания паролей и иных аутентификационных факторов⁵⁴.

Не лучше обстоит дело и в России. Довольно жесткое законодательство о защите персональных данных исполняется плохо. «Сам субъект персональных данных по общему правилу не информирован о контрольных и проверочных мероприятиях Роскомнадзора, не инициирует их... По сути, правила контроля и надзора направлены на обе-

⁴⁹ Архипов В.В. Указ. соч. С. 65.

⁵⁰ См.: там же. С. 66.

⁵¹ Достаточно вспомнить историю с приватизационными ваучерами — много ли выгоды получили наши граждане в условиях свалившейся на них «свободы предпринимательства»?

⁵² MSAB. URL: <https://www.msab.com/ru/products/xry/> (дата обращения: 28.06.2019).

⁵³ URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=10156385621793263&id=625298262 (дата обращения: 28.06.2019).

⁵⁴ CBS. URL: <https://www.cbc.ca/news/business/cbsa-boarder-security-search-phone-travellers-openmedia-1.5119017> (дата обращения: 28.06.2019).

спечение защиты информации о гражданах как таковой, соблюдение условий ее обработки, а не прав граждан при обработке их персональных данных»⁵⁵.

Развитие технологий углубляет имеющиеся проблемы. Возникает глобальный вопрос: «Каков правовой режим персональных данных, размещенных в сети Интернет, прежде всего в социальных сетях? Они становятся открытыми и общедоступными или сохраняют режим конфиденциальности? Однозначного ответа на этот вопрос... нет»⁵⁶. Как обеспечить право на защиту персональных данных при обработке больших данных? Ведь сами большие данные в основном состоят из персональных (большие пользовательские данные). «Вычленив» персональные данные можно также из доступной информации, размещенной самим лицом, иногда достаточно проанализировать лайки, которые человек сам проставил в социальных сетях, чтобы определить его сексуальную ориентацию, этническое происхождение или религиозные предпочтения.

Здесь мы неизбежно выходим на более широкий контекст проблемы — социальный и нравственный. Ведь недаром предлагается предусмотренную в Европейском регламенте по защите персональных данных⁵⁷ оценку воздействия расширить до оценки воздействия на права человека в целом, включая социальные и этические аспекты (*HRESIA — Human Rights, Ethical and Social Impact Assessment*)⁵⁸. Это позволит охранять не только персональные данные, но и другие права и свободы человека.

5. Заключение

Проведенный анализ показывает, что права человека эволюционируют под воздействием цифровых технологий. Можно говорить о возникновении новых специфических цифровых прав.

⁵⁵ Терещенко Л.К. Государственный контроль в сфере защиты персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 146.

⁵⁶ Там же. С. 150.

⁵⁷ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJ. L 119. Vol. 59. 4 May 2016.

⁵⁸ См.: Mantelero A. AI and Big Data: A Blueprint for a Human Rights, Social and Ethical Impact Assessment // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34. Iss. 4. P. 754–772.

Человек может и должен управлять тем воздействием, которое цифровые технологии оказывают на социальные отношения, включая права человека. Обращение к мировому опыту убеждает в том, что регулирование информационно-коммуникационных технологий во многом происходит методом «проб и ошибок», а не в результате прогнозной оценки возможных социальных последствий. Между тем именно проблематика прав человека может способствовать выработке целостного представления о регулировании новых технологий. Права человека могут стать «маяками» для регулирования информационно-коммуникационных технологий, указывая, какие цели должны быть достигнуты и какой вред должен быть предотвращен в соответствии с принципом пропорциональности⁵⁹. Так, «право на информационную частную жизнь» (*“the right to informational privacy”*) подлежит защите до тех пор, пока его реализация не приводит к вмешательству в другие охраняемые индивидуальные или коллективные права⁶⁰.

Представление об универсальности прав человека может быть гармонично увязано с нейтральностью и универсальностью цифровых технологий. В эпоху цифровизации сущность человека и его основных запросов вряд ли изменятся, как и основные ценности, с ними связанные. И именно права человека могут стать «унифицирующей целевой перспективой» (*“unifying purposive perspective”*) при определении отношения к различным технологиям, что предполагает анализ того, соответствует или не соответствует их использование фундаментальным правам человека, таким как достоинство, частная жизнь, равенство, свобода⁶¹. Эта идея представляется весьма привлекательной в свете наблюдающейся растерянности юристов перед наступлением цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52–68.

Бусурманов Ж.Д. Евразийская концепция прав человека. Астана: Изд-во КазГЮУ, 2010.

⁵⁹ См.: Sartor G. Op. cit. P. 434.

⁶⁰ Ibid. P. 442.

⁶¹ См.: Brownsword R., Scotford E., Yeung K. Law, Regulation, and Technology: The Field, Frame, and Focal Questions // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / Ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. P. 3–40.

Грачева М.А. Право человека на уважение частной жизни и его защита в Европейском суде по правам человека // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. № 1. С. 55–61.

Колотова Н.В. Развитие теории прав человека в советской правовой доктрине // Трансформации прав человека в современном мире / Отв. ред. А.Н. Савенков. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. С. 108–127.

Кротов А.В. Некоторые аспекты и особенности регулирования права на частную жизнь в формате интернет-пространства. Барнаул: ИГ «Си-пресс», 2015.

Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012.

Лекторский В.А. Права человека в контексте глобализации // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 43–52.

Лукашева Е.А. Права человека и культура // Трансформации прав человека в современном мире / Отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018. С. 13–38.

Лукашева Е.А. Российская цивилизация и права человека // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 53–69.

Мальцев Г.В. Права человека в свете современных представлений о государственном суверенитете // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 106–120.

Мамут Л.С. Всеобщая декларация прав человека и Конституция Российской Федерации // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 218–229.

Мамут Л.С. Права приобретаются // Право и права человека в условиях глобализации (материалы научной конференции) / Отв. ред. Е.А. Лукашева, Н.В. Колотова. М.: Институт государства и права РАН, 2006. С. 22–29.

Проскурякова М.И. Персональные данные: российская и германская национальные модели конституционно-правовой защиты в сравнительной перспективе // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 84–98. DOI: 10.21128/1812-7126-2016-6-84-98

Русинова В.Н. Легализация «массовой слежки» Европейским судом по правам человека: что стоит за Постановлением по делу «Биг Бразер Вотч и другие против Соединенного Королевства»? // Международное правосудие. 2018. № 4. С. 3–20. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-4-3-20

Степин В.С. Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 14–31.

Терещенко Л.К. Государственный контроль в сфере защиты персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 142–161. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.142.161

Ульбашев А. О конституционализации частного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 87–100. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-6-87-100

Brownsword R., Scotford E., Yeung K. Law, Regulation, and Technology: The Field, Frame, and Focal Questions // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / Ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. New York: Oxford University Press, 2017. P. 3–40. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.1

Dolunay A., Kasap F., Keçeci G. Freedom of Mass Communication in the Digital Age in the Case of the Internet: “Freedom House” and the USA Example // Sustainability. 2017. Vol. 9. Iss. 10. P. 1739–1760. DOI: 10.3390/su9101739

Florimond G. Droit et Internet. De la logique internationaliste à la logique réaliste. Paris: Mare & Martin, 2016.

Mantelero A. AI and Big Data: A Blueprint for a Human Rights, Social and Ethical Impact Assessment // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34. Iss. 4. P. 754–772. DOI: 10.1016/j.clsr.2018.05.017

Saint-Aubin Th. Les droits de l’opérateur de données sur son patrimoine numérique informationnel // Droit et gouvernance des données publiques et privées à l’ère du numérique / Dir. de I. Bouhadana, W. Gilles. Paris: Les éditions Imodev, 2015. P. 141–155.

Sartor G. Human Rights and Information Technologies // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / Ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. New York: Oxford University Press, 2017. P. 424–450. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.79

Thumfart J. Francisco de Vitoria and the Nomos of the Code: The Digital Commons and Natural Law, Digital Communication as a Human Right, Just Cyber-Warfare // At the Origins of Modernity: Francisco de Vitoria and the Discovery of International Law / Ed. by J.M. Beneyto, J.C. Varela. Cham: Springer, 2017. P. 197–217. DOI 10.1007/978-3-319-62998-8_11

REFERENCES

Arkhipov, V.V. (2018). Problema kvalifikatsii personal’nykh dannykh kak nematerial’nykh blag v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki, ili Net nichego bolee praktichnogo, chem kho-roshaya teoriya [Personal Data as Nonmaterial Values or There Is Nothing More Practical Than a Good Theory]. *Zakon* [Law], (2), pp. 52–68. (in Russ.).

Brownsword, R., Scotford, E. and Yeung, K. (2017). Law, Regulation, and Technology: The Field, Frame, and Focal Questions. In: R. Brownsword, E. Scotford and K. Yeung, eds. *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology*. New York: Oxford University Press, pp. 3–40. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.1

Busurmanov, Zh.D. (2010). *Evraziiskaya kontseptsiya prav cheloveka* [Eurasian Concept of Human Rights]. Astana: Kazakhskii gumanitarnyi yuridicheskii universitet Publ. (in Russ.).

Dolunay, A., Kasap, F. and Keçeci, G. (2017). Freedom of Mass Communication in the Digital Age in the Case of the Internet: “Freedom House” and the USA Example. *Sustainability*, 9(10), pp. 1739–1760. DOI:10.3390/su9101739

Florimond, G. (2016). *Droit et Internet. De la logique internationaliste à la logique réaliste*. Paris: Mare & Martin. (in Fr.).

Gracheva, M.A. (2017). Pravo cheloveka na uvazhenie chastnoi zhizni i ego zashchita v Evropeiskom sude po pravam cheloveka [The Human Right to Respect for Private Life in the European Court of Human Rights].

and Protection in the European Court of Human Rights]. *Mezhdunarodnyi zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava* [International Journal of Constitutional and State Law], (1), pp. 55–61. (in Russ.).

Kolotova, N.V. (2018). Razvitie teorii prav cheloveka v sovetskoj pravovoi doktrine [The Development of Human Rights Theory in the Soviet Legal Doctrine]. In: A.N. Savenkov, ed. *Transformatsii prav cheloveka v sovremennom mire* [Human Rights Transformations in the Modern World]. Moscow: Norma; INFRA-M, pp. 108–127. (in Russ.).

Krotov, A.V. (2015). *Nekotorye aspekty i osobennosti regulirovaniya prava na chastnuyu zhizn' v formate internet-prostranstva* [Some Aspects and Particularities of Regulation of the Right to Privacy in the Format of Internet Space]. Barnaul: IG “Si-press”. (in Russ.).

Lapaeva, V.V. (2012). *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of Understanding of Law: Legal Theory and Practice]. Moscow: Rossiiskaya akademiya pravosudiya. (in Russ.).

Lektorskiy, V.A. (2009). Prava cheloveka v kontekste globalizatsii [Human Rights in the Context of Globalization]. In: *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: universalizm i mnogoobrazie opytov* [The Universal Declaration of Human Rights: Universalism and Variety of Experiences]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, pp. 43–52. (in Russ.).

Lukasheva, E.A. (2009). Rossiiskaya tsivilizatsiya i prava cheloveka [Russian Civilization and Human Rights]. In: *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: universalizm i mnogoobrazie opytov* [The Universal Declaration of Human Rights: Universalism and Variety of Experiences]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, pp. 53–69. (in Russ.).

Lukasheva, E.A. (2018). Prava cheloveka i kul'tura [Human Rights and Culture]. In: A.N. Savenkov, ed. *Transformatsii prav cheloveka v sovremennom mire* [Human Rights Transformations in the Modern World]. Moscow: Norma; INFRA-M, pp. 13–38. (in Russ.).

Maltsev, G.V. (2009). Prava cheloveka v svete sovremennykh predstavlenii o gosudarstvennom suverenitete [Human Rights in the Light of Modern Ideas of the State Sovereignty]. In: *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: universalizm i mnogoobrazie opytov* [The Universal Declaration of Human Rights: Universalism and Variety of Experiences]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, pp. 106–120. (in Russ.).

Mamut, L.S. (2006). Prava priobretayutsya [The Rights are Acquired]. In: E.A. Lukasheva and N.V. Kolotova, eds. *Pravo i prava cheloveka v usloviyakh globalizatsii (materialy nauchnoi konferentsii)* [Law and Human Rights in the Conditions of Globalization (Materials of the Scientific Conference)]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, pp. 22–29. (in Russ.).

Mamut, L.S. (2009). Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka i Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [The Universal Declaration of Human Rights and the Constitution of the Russian Federation]. In: *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: universalizm i mnogoobrazie opytov* [The Universal Declaration of Human Rights: Universalism and Variety of Experiences]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, pp. 218–229. (in Russ.).

Mantelero, A. (2018). AI and Big Data: A Blueprint for a Human Rights, Social and Ethical Impact Assessment. *Computer Law & Security Review*, 34(4), pp. 754–772. DOI: 10.1016/j.clsr.2018.05.017

Proskuryakova, M.I. (2016). Personal'nye dannye: rossiiskaya i germanskaya natsional'nye modeli konstitutsionno-pravovoi zashchity v sravnitel'noi perspektive [Personal

Data: Russian and German National Models of the Constitutional Protection in Comparative Perspective]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], (6), pp. 84–98. (in Russ.). DOI: 10.21128/1812-7126-2016-6-84-98

Rusinova, V.N. (2018). Legalizatsiya “massovoi slezhki” Evropeiskim sudom po pravam cheloveka: chto stoit za Postanovleniem po delu “Big Brazer Votch i drugie protiv Soedinennogo Korolevstva”? [Legalization of “Mass Surveillance” by the European Court of Human Rights: What Stands behind the Judgment in the Case of Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom?]. *Meždunarodnoe pravosudie* [International Justice], (4), pp. 3–20. (in Russ.). DOI: 10.21128/2226-2059-2018-4-3-20

Saint-Aubin, Th. (2015). Les droits de l’opérateur de données sur son patrimoine numérique informationnel. In: I. Bouhadana and W. Gilles, eds. *Droit et gouvernance des données publiques et privées à l’ère du numérique*. Paris: Les éditions Imodev, pp.141–155. (in Fr.).

Sartor, G. (2017). Human Rights and Information Technologies. In: R. Brownsword, E. Scotford and K. Yeung, eds. *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology*. New York: Oxford University Press, pp. 424–450. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.79

Stepin, V.S. (2009). Prava cheloveka v epokhu globalizatsii i dialoga kul'tur [Human Rights in the Era of Globalization and Dialogue of Cultures]. In: *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: universalizm i mnogoobrazie opytov* [The Universal Declaration of Human Rights: Universalism and Variety of Experiences]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, pp. 14–31. (in Russ.).

Tereshchenko, L.K. (2018). Gosudarstvennyi kontrol' v sfere zashchity personal'nykh dannykh [State Control in Personal Data Protection]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], (4), pp. 142–161. (in Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.142.161

Thumfart, J. (2017). Francisco de Vitoria and the Nomos of the Code: The Digital Commons and Natural Law, Digital Communication as a Human Right, Just Cyber-Warfare. In: J.M. Beneyto and J.C. Varela, eds. *At the Origins of Modernity: Francisco de Vitoria and the Discovery of International Law*. Cham: Springer, pp. 197–217. DOI: 10.1007/978-3-319-62998-8_11

Ulbashev, A. (2017). O konstitutsionalizatsii chastnogo prava [On Constitutionalization of Private Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], (6), pp. 87–100. (in Russ.). DOI: 10.21128/1812-7126-2017-6-87-100

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Талапина Эльвира Владимировна — доктор юридических наук, доктор права (Франция), главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН.

AUTHOR'S INFO:

Elvira V. Talapina — Doctor of Legal Sciences, Doctor of Law (France), Chief Research Fellow of the Human Rights Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina

CITATION:

Talapina, E.V. (2019). Evolution of Human Rights in the Digital Era. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(3), pp. 122–146. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina